

УДК 398.42
ББК 82.3(2=411.2)
DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_149

МИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ГОРОДСКИХ ЛЕГЕНДАХ ПАВЛОДАРА (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА ЛЕГЕНД О ГОРСАДЕ)

Гайша Ертаевна Имамбаева
orcid.org/0000-0002-6726-2940
доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой казахской филологии
Инновационный Евразийский университет
ул. Ломова, 45
Павлодар, 140000, Казахстан
lady.gaysha@mail.ru

Илья Олегович Приходченко
orcid.org/0000-0003-1800-8812
Инновационный Евразийский университет
ул. Ломова, 45
Павлодар, 140000, Казахстан
pisosenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются городские легенды Павлодара, связанные с одним из ключевых мест павлодарского локального текста – Городским садом культуры и отдыха, известным среди горожан как Горсад. В исследовании анализируется роль мистических мотивов, имеющих в названных легендах, в их прагматическом и историко-культурном аспекте.

Ключевые слова: сказочная проза, городская легенда, Павлодар, локальный текст.

MYSTICAL MOTIFS IN THE URBAN LEGENDS OF PAVLODAR (ON THE EXAMPLE OF THE CYCLE OF LEGENDS ABOUT THE CITY GARDEN)

Gaisha E. Imambayeva
orcid.org/0000-0002-6726-2940
Doctor of Philological Sciences, professor,
chairholder, Chair of Kazakh Philology,
Innovative University of Eurasia
45, Lomova
Pavlodar, 140000, Kazakhstan
lady.gaysha@mail.ru
Ilya O. Prikhodchenko
orcid.org/0000-0003-1800-8812
Innovative University of Eurasia
45, Lomova
Pavlodar, 140000, Kazakhstan
pisosenko@mail.ru

Abstract. The article deals with the urban legends of Pavlodar associated with one of the key places of the Pavlodar local text - the City Garden of Culture and Recreation, known among the citizens as the City Garden. The study analyzes the role of mystical motifs present in these legends in their pragmatic and historical-cultural aspects.

Keywords: non-fairy prose, urban legend, Pavlodar, local text.

Введение

Актуальной проблемой современной фольклористики остается вопрос, касающийся несказочной прозы. В разное время вопросам фольклорной прозы были посвящены работы В.Я. Проппа, Э.В. Померанцевой, В.П. Аникина и других. В Казахстане данную научную проблему широко исследовал С. А. Каскабасов, представив вниманию научных кругов серьезный труд «Казахская несказочная проза», где отражены национальная специфика и ментальные особенности носителей языка [Каскабасов, 1990].

В настоящей статье представлен не исследованный ранее материал, представляющий собой городские легенды Павлодара, в частности, легенды о Горсаде. Можно обозначить их определением «топонимические легенды», которое использует К.А. Климова, называя так истории, которые бытуют «в определенных локальных традициях» [Климова, 2019, с. 100].

Материалы и методы

Каждое обжитое людьми место, будь то дом, улица, деревня или город, имеет свою историю. Как правило, история имеет два варианта своего существования – официальный, канонический, зафиксированный в документальных источниках, и неофициальный, апокрифический, существующий в пересказах, передающийся из уст в уста и, таким образом, имеющий исключительно фольклорную природу. Типичным примером сохранения истории города в фольклорной памяти населения является городская легенда.

Городская легенда – современная разновидность мифа. Это короткая и, на первый взгляд, правдоподобная, хотя обычно не соответствующая действительности, история, опирающаяся на современную техническую и общественную реальность, как правило затрагивающая глубинные проблемы и страхи современного общества. Правдоподобность городской легенды основана на необходимости специальных знаний для её разбора и проверки. Сам термин «городская легенда» в русском языке является калькой с английского словосочетания «urban legend», которое переводится как «слух» или «байка».

Городская легенда является «частью современного фольклора, передаваемого путём устной коммуникации или через интернет» [Смирнова, 2010, с. 114], «невероятный случай, считающийся настоящим, претендующий на достоверность» [Смирнова, 2010, с. 115]. Функция городской легенды чаще всего заключается в предупреждении о страшной опасности. Нередко городские легенды становятся материалом для заведомо недостоверных публикаций («уток») в жёлтой прессе или, напротив, возникают на основе подобных публикаций, после

активно бытует в устных пересказах горожан. Согласно Д. Замятину, «городская мифология является важным элементом локальной истории и географического образа города» [Замятин, 1999, с. 201], участвуя наряду с литературой в формировании «локального текста» (например, «московский текст», «петербургский текст»).

Как явление современного фольклора городская легенда имеет ряд отличий от прочих смежных явлений и соотносится с ними определённым образом. Так, городская легенда отличается от анекдота тем, что юмористическая нагрузка, даже если она присутствует, не является основной целью истории, а от слухов – тем, что не привязана к конкретным лицам. Городская легенда обычно пересказывается как история, случившаяся с каким-либо лицом, агентом, слабо связанным с рассказчиком (знакомым знакомого, коллегой, соседом и т.п.), и помимо юмористического содержания может иметь трагическое либо мистическое звучание. Последний аспект бытования городских легенд особенно важен в рамках данной статьи.

Понятие городской легенды с точки зрения науки об устном народном творчестве имеет неоднозначный статус и требует прояснения. В этой связи необходимо конкретизировать содержание термина «легенда».

По определению В. Я. Проппа, «народная легенда есть прозаический художественный рассказ, обращающийся в народе, содержание которого прямо или косвенно связано с господствующей религией». В. П. Аникин утверждает, что главным свойством легенд стало утверждение морально-этических норм христианства или идей, возникших под влиянием воодушевлённого отношения к вере, хотя и понимаемой на мирской, житейский, обыденный лад. В отличие от них, А. Д. Цветкова не считает религиозную составляющую идейного содержания легенды, определяющей для данного жанра, предпочитая делать упор на отношении фольклорного текста в первую очередь к конкретной местности, и подобное толкование жанра видится нам наиболее приемлемым.

Городская легенда реализуется в различных жанрах современного фольклора, имеющих свои характерные особенности. Это может быть современная сказка, криминальная история, мифы о секретных технологиях и о похищении людей, истории о правительственных заговорах, истории о тлетворном воздействии индустрии, несчастные случаи в обращении с техникой, рассказы, основанные на страхе перед властью (полиция либо криминальные группировки), а также бывальщины (или былички) и предания. В рамках данной статьи особого внимания требует рассмотрение функционирования в составе городских легенд Павлодара жанров былички и предания.

Под быличками в фольклористике обычно понимают истории, рассказываемые от лица участников (меморат) или знакомых участников событий (фабулат) как реальные происшествия (с установкой на достоверность). Обязательно указание конкретных лиц, участвующих в событиях. Быличка исключает волшебство (чем отличается от традиционного понимания легенды в фольклоре), но описывает событие, в котором человек сталкивается с проявлением

или персонажем сверхъестественного мира. Цель быличек/бывальщин – научить подрастающее поколение правилам общения с миром сверхъестественного.

Если речь идёт о городской легенде, в тексте всегда обязательно указывается не какое-то обобщенное место в городе, а совершенно конкретное, известное и рассказчику, и слушателю (эта черта былички как жанрового типа городского фольклора особенно важна в рамках данной статьи), что создаёт эффект правдоподобности и выступает как обязательный жанровый признак.

Результаты и обсуждение

Городская легенда во многом детерминирована личностью информанта и её творческими способностями. В исполнении некоторыми информантами текстов на определённую тему могут прослеживаться связи, тексты могут циклизироваться вокруг темы и/или места и приобретать тем самым определённое мировоззренческое звучание, отражать фрагмент картины мира исполнителя, который (исполнитель) способен включать данный фрагмент в общий «текст» некоторого места, имеющий обычно хронотопически ориентированные координаты (события определённой эпохи жизни города привязаны к определённым местам). Примером такой творческой личности информанта является первый директор Городского сада культуры и отдыха Павлодара, первый директор Дворца культуры тракторостроителей (ныне Городской дворец культуры имени Естая) Владислав Васильевич Треньков (1938-2008).

Общение с информантом длительное время незадолго до его смерти позволило записать фольклорный материал, связанный с историей Павлодара и некоторыми историческими местами, которые автор статьи посещал вместе с информантом в процессе общения и записи текстов. В. В. Треньков был носителем колоссального знания об истории и быте Павлодара середины 20 века и много рассказывал о местах и событиях, имевших значение для истории города. В рамках данной статьи мы остановимся на цикле городских легенд о Горсаде (городском парке культуры и отдыха), в жанровом составе которых наряду с быличками присутствуют предания.

Одним из определяющих жанровых признаков предания является его локальный характер. По утверждению С.А. Каскабасова, «предание – это своеобразная устная хроника одного региона и живущего в этом регионе народа, племени или рода, это правдоподобный рассказ, вернее – сообщение о событии, происшедшем в конкретном районе. < ... > Для полного понимания сущности предания еще недостаточно знать о событии, повествуемом в нем. Для этого нужно хорошо знать также этот регион и в географическом, и в историко-культурном отношении» [Каскабасов, 1990, с. 240]. В данной статье мы рассматриваем предания, основываясь именно на этих положениях, с тем лишь дополнением, что историчность предания может быть связана с мистичностью места, о котором в предании идёт речь.

В данном случае, как было сказано выше, речь идёт о Городском парке культуры и отдыха, на месте которого (это известный павлодарцам исторический факт) некогда находилось одно из городских кладбищ.

Текст 1

«Ты же знаешь, наверно, на том месте, где сейчас Горсад стоит, там было кладбище, большое кладбище было, самое большое на то время от Семипалатинска до Тобольска. Это кладбище считалось элитным, там хоронили русских купцов, из Сибири которые здесь были. Они, считай, отцы города. Могилы были богатые, памятники огромные, по несколько тонн весили, из мрамора же были!»

Эпизод исторического предания, описанный в тексте 1, реализует в себе типичную черту жанра – маркированность превосходством исторического времени, гиперболизация положительных черт прошлого: кладбище – самое большое, могилы – только знатных людей, элитные, богатые, памятники – огромные, тяжёлые. Гиперболизация качеств места связана с людьми, похороненными здесь: это «отцы города». По утверждению И. А. Разумовой, «в характеристиках прародителей, прежде всего, утверждается их исключительность по сравнению с "обычными" людьми» [Разумова, 2001, с. 301]. Это свойство распространяется на всё, непосредственно связанное с предками. В подобной гиперболизации качеств предков и их эпохи в жанре предания видится отголосок мотива прошедшего безвозвратно золотого века, который является архитипическим для мирового фольклора.

Далее в рассказе информанта мотив величия предков сменяется мотивом предпринятой потомками попытки низвержения. Примечательно, что этот мотив включён в исторический контекст. Тема борьбы поколений, идея стирания воспоминаний, знаков прошлого, в том числе воспоминаний о людях, живших некогда здесь, явно прослеживающаяся в тексте 2, завершается мотивом необоримости силы предков (могильные плиты не смогли увезти).

Текст 2

«Потом, когда после войны там решили сделать парк культуры и отдыха, стали ровнять это кладбище. Указ сверху был: ликвидировать памятники. Какие могли, такие вытаскивали из земли и потом использовали на строительство, в фундамент могли положить или ещё куда-нибудь. А некоторые постаменты просто не могли сдвинуть с места, ты представляешь, какие тяжёлые были! Их тогда просто валили канатами на землю и закапывали, в ямку сваливали и землёй засыпали. Потом бульдозер ездил по земле и всё равнял. Потом всё деревьями засадили, всё зазеленело, сам видишь, стало как сейчас».

Типичное историческое предание о разорении сакрального места в годы советской власти в фольклорной памяти информанта становится ядром цикла городских легенд разной жанровой природы, причём преимущественно мистического звучания, что объясняется чертами мировоззрения самого информанта. Для В. В. Тренкова, верующего православного христианина, было грехом подобное, по его мнению, надругательство над сакральным местом.

Именно этот угол зрения находит свою реализацию в предании. Мотив мести покойников за их потревоженный сон, в чём прослеживается сохранение языческой традиции в фольклорной памяти информанта, будет ниже рассмотрен на примере быличек из этого же цикла.

По словам И.А. Голованова, «в одних случаях рассказчик стремится поделиться личными переживаниями..., тем самым вводит собеседника в свой «ближний» мир, ... в других ситуациях ... ему необходимо восстановить факты, проливающие свет на местную историю, важную для него самого и составляющую общий интерес для всех жителей данной местности» [Голованов, 2008, с. 27].

В одном временном срезе в памяти информанта оказываются связанными разные места, связанными через одно событие, ставшее сюжетным ядром цикла текстов. Следы обозначенного события (разорение кладбища) могут быть найдены и в других местах города. Как фольклорная, так и историческая память позволяет восстановить не только череду исторически значимых событий, но и маршрут, по которому они были совершены.

Текст 3

«Я вот сказал же тебе, что плиты с кладбища увозили на постройку другую, их прям складывали в грузовик и отвозили. Вот знаешь где станция скорой помощи, там, где первая психбольница в городе была, там теперь частный дом, люди живут, но я не представляю, как там жить можно... Вот там, эта станция скорой помощи, она на надгробиях стоит. Здесь в фундамент положили 40 надгробий с того кладбища, прям в ряд одно к одному складывали и потом на этом фундаменте дальше строили здание».

Мотив надругательства над святыней (использование награбленного с кладбища в строительстве) не явлен в тексте 3 эксплицитно, но вполне ощутим и легко прочитывается в контексте всего цикла. Примечательно, что предание оказывается связанным с пограничными для современного человека местами (станция скорой помощи как место границы между жизнью и смертью, психбольница как место границы между миром нормальных людей и миром безумия), которые упоминаются в тексте и были лично показаны автору статьи информантом. Между строк прочитывается немой вопрос информанта: как может нормально функционировать место, предназначенное для возвращения людей к жизни, если оно, по сути, «стоит на костях» (надгробие воспринимается как часть могилы, причем её ключевая, информативная часть). На том же основании в цикл попадает упоминание здания бывшей психбольницы. С одной стороны, объекты объединяет пространственная близость (здания находятся на одной улице недалеко друг от друга), с другой – несоответствие исторического предназначения места и его нынешнего использования, что рассматривается информантом как отклонение от нормы.

Доминанты мировоззрения информанта становятся ещё отчётливей при сопоставлении разных мотивов, связанных с одним и тем же местом.

Текст 4

«А рядом, знаешь, есть надгробие, оно просто лежит там под деревом, в землю уже вросло. Ему просто в фундаменте места не хватило, оно лишнее было, и его тут просто так бросили. Потом легенда появилась, что это якобы могила дочери одного богатого сибирского купца, которая от несчастной любви с собой покончила. Я ее не помню уже, что там за история была, может другие старики помнят».

В тексте 4 объект упоминается преимущественно потому, что связан с магистральной сюжетной линией цикла городских легенд (кладбище под Горсадом). Несмотря на то, что объект имеет свою историю, она не сохранилась в памяти информанта, что говорит о неактуальности этого фольклорного пласта для него.

В то же время события, связанные с сакральным и мистическим для информанта местом имеют большое значение и вспоминаются в деталях.

Текст 5

«Как-то ремонт делали в парке, фонтан чинили, трубы в нём меняли, знаешь тот фонтан, который так и не работает, который рядом со сценой. Вот когда его стали раскапывать, там метр-полметра копнули – а там кости, человеческие кости, прям вперемешку. Аж работа остановилась, парни стоят перепуганные, удивлённые, такой суеверный страх. Меня спрашивают, мол, что теперь с ними делать? Я хотел перезахоронить кости, чтобы всё по-человечески было, нормально. Прораб пришёл, мол, почему работа встала. А тут такое, останки человеческие. Он посмотрел – и махнул рукой, мол, что с ним делать, закапывайте назад. Закопали. Починка потом остановилась, была причина какая-то. Так этот фонтан и не работает до сих пор, и не будет уже. Это мёртвый фонтан. Да и сейчас, если в Горсаде где копнуть, неглубоко копнуть, то кости попадают, до сих пор, если где-то ремонт идёт, находят ещё кости, черепа находят».

Текст 5, имплицитно имеющий мотивы былички (обнаружение рабочими костей, захороненных как столкновение живых с мёртвыми), несёт в себе явный «городской» текст, повествуя об одном из паранормально маркированных мест городского хронотопа (мёртвый фонтан). Эпизод с раскопанными костями продолжает сюжетную линию осквернённого кладбища. Именно тем, что кости усопших были потревожены, информант объясняет нерабочее состояние объекта. Фонтан, где раскопали могилы, становится своеобразной точкой омертвелости, где ничто не может функционировать.

Обращает на себя внимание в целом образ фонтана в мировой культуре. Фонтан в прошлом был местом получения питьевой воды, жизненно необходимой людям, а значит стратегически важным и потому, несомненно, сакральным местом. В новое время фонтан приобрёл также эстетическое значение и стал символом радости, силы, энергии и бьющей ключом жизни. Все эти символические смыслы объекта оказываются словно блокированными вторжением людей в мир мёртвых.

Цикл включает в себя тексты, в которых могут быть схожи мотивы, но различны интерпретации событий и отношение информанта к ним.

Текст 6

«Это же кладбище, что тут было, что сейчас под асфальтом закатано, оно намного больше было, чем сейчас Горсад, его территория. Оно под Горсадом расплзается дальше, часть под молокозаводом, часть под соседними частными домами, ещё часть под дорогой. Случай был, мне хозяин дома сам рассказал. Дом он не сам строил, купил, а потом решил погреб выкопать на кухне. Доски с пола снял, давай копать. Тут бац – другие доски, гнилые. Оказалось, гробы раскопал. На могиле дом стоял, гробы раскопали. Ну открыли гробы, посмотрели, кто там. А это оказалась семья священника, батюшка и матушка, так немного поодаль друг от друга. В разных могилах похоронили, но рядом. А они как поняли, что это священники. Ну там остатки одеяния священнического были, видно было, что ряса. А в гробу одном, наверно это у батюшки, крест серебряный, огромный такой крест на груди. Он куда-то пропал потом, наверно дети задевали куда-то, мужик говорил... Что сделал? А что сделал, жить-то в доме дальше надо, что, не съезжать же теперь. Заложил их кирпичом, стены все в погребе обложил кирпичом, и всё. Говорит, не тревожат. Он их не тревожит, и они его не тревожат. И мёртвые с живыми живут... Вот там через дорогу строят что-то, наверно, под офисы. Там наверняка тоже кости находили, раскапывали могилы не раз, пока строят. Тут всё на костях стоит, везде кто-то спит».

В данном предании (текст 6), имеющем также черты былички (потревоженные покойники, рассказ об осквернённой могиле), примечательно, во-первых, другое отношение информанта к описываемым событиям, во-вторых, иное поведение героя предания. Это может быть объяснено поведением героя текста (обкладка гробов кирпичом (склеп, гробница) как перезахоронение и, соответственно, соблюдение ритуала) либо изначальным положением дел в ситуации (могилы находились под жилым домом, а не под местом увеселения, а значит, не были осквернены), исключаящим нарушение правил. Слова информанта «и мёртвые с живыми живут» позволяют выдвинуть предположение о возможности такого соседства в его картине мира.

Соседство живых с мёртвыми возможно и как вынужденная необходимость, продиктованная ошибками прошлого, но нежелательно, на что указывает следующий текст, прямо не относящаяся к циклу городских легенд о Горсаде, но исполнявшаяся информантом в этом ключе.

Текст 7

«Вот например Пахомовское кладбище знаешь же, там вокруг многоэтажки стоят полукольцом. Этот район так и называется – живые и мёртвые. У меня там мама живёт, одна живёт в квартире. Приехал к ней как-то, а она мне рассказывает. Ночью допоздна вчера сидела на кухне, не спалось. Вышла на минутку, захожу потом – за столом сидят два человека, разговаривают, мужчина и женщина. Она говорит, не испугалась, не закричала, просто не поняла, не успела понять. А они просто говорили между собой, потом сразу встали и ушли через стену. Просто

насквозь через стену прошли и всё. Мать мне это рассказывает, а я сам думаю так грустно, что наверно мама уже совсем старенькая стала, голова подводит, потихоньку крыша едет у старушки, она же у меня старенькая совсем, ей за 90 уже. А потом подумал: тут же рядом Пахомовское. И всё понятно стало. Оно и не удивительно, что мать такое увидела: усопшие рядом».

Как видно, предание и быличка реализуют один мотив (неконфликтное соседство живых и мёртвых) с помощью своих специфических жанровых средств, что обеспечивает городским легендам, с одной стороны, текст-жанровое разнообразие и, с другой стороны, целостность сюжетно-мотивного содержания, транслируемого в информационное поле города.

Заключение

Несомненно, информационное поле Павлодара, состоящее, кроме быличек и преданий, также из литературных произведений, детерминированных локально, почти не изучено и требует пристального внимания учёных. Данная статья – лишь один из первых шагов на обозначенном выше пути исследования.

Библиографический список

- Каскабасов, С. А.* Казахская сказочная проза; АН КазССР, Ин-т лит. и искусства им. М. О. Ауэзова. Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. 238 с.
- Климова, К. А.* «Темница Сократа» и «дворец святой Пенелопы»: новогреческие народные исторические топонимические легенды: сборник научных статей // Всероссийский конгресс фольклористов». М., 2019. С. 98-104.
- Смирнова, Е. В.* Устойчивые мотивы сюжета 'геопатогенная зона' в городской легенде // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. No 21 (202). Филология. Искусствоведение. Вып. 45. С. 114-119.
- Замятин, Д. Н.* Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 255 с.
- Разумова, И. А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М: Индрик, 2001. 375 с.
- Голованов, И. А.* Проблема жанровой дифференциации сказочной прозы: коммуникативный аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 36. С. 26-33.

References

- Kaskabasov S.A. Kazakh non-fairy prose. Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1990. 238 p.
- Klimova K. A. "The Prison of Socrates" and "The Palace of Saint Penelope": Modern Greek folk historical toponymic legends: collection of scientific articles // All-Russian Congress of Folklorists ". M., 2019, S. 98-104.
- Smirnova E. V. Sustainable explanation of the "geopathogenic zone" narrative in an urban legend // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2010. No. 21. S. 114-119.
- Zamyatin D. N. Modeling of geographical images. The space of humanitarian geography. Smolensk: Oikumena, 1999. 255 p.
- Razumova I. A. The secret knowledge of the modern Russian family. Mode of life. Folklore. History. Moscow: Indrik, 2001. 375 p.
- Golovanov I.A. The problem of genre differentiation of non-narrative prose: the communicative aspect // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2008. №36. Pp. 26-33.